

Николай Вокуев

ПАСТБИЩНЫЙ ФОНД

Москва 2017

Николай Андреевич Вокуев

Пастбищный фонд

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24121444

Пастбищный фонд. – Николай Андреевич Вокуев: Перо; Москва; 2017

ISBN 978-5-906946-80-5

Аннотация

«...Желание рассказать о моих предках, о земляках, даже не желание, а надобность написать книгу воспоминаний возникло у меня давно. Однако принять решение и начать творческие действия, всегда оттягивала, сформированная годами черта характера подходить к любому делу с большой ответственностью...»

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Андреевич Вокуев

Пастбищный фонд

© Вокуев Н. А., 2017

Выражаю особую благодарность жителям села Самбург, оленеводам участникам обсуждения пастбищного фонда, друзьям и соратникам, оказавшим помощь в работе над книгой.

В книге использованы сведения из третьего тома поимённой книги «Память» по Тюменской области, год издания: 1994 год.

Введение

Желание рассказать о моих предках, о земляках, даже не желание, а надобность написать книгу воспоминаний возникло у меня давно. Однако принять решение и начать творческие действия, всегда оттягивала, сформированная годами черта характера подходить к любому делу с большой ответственностью.

С чего начать, о чём писать, что вспомнить?

Ответить на эти вопросы, значит определиться с темой работы над книгой. Известные писатели написали уникальные книги об исторических открытиях, походах, политических победах. И у меня, на этом отрезке жизненного пути были, я надеюсь, и будут, соприкосновения с политической жизнью, но сегодня разговор не об этом. Я же, в этой книге хочу, дорогие мои читатели, рассказать о времени моих предков, родителей, о времени, в рамках которого они, дорогие мне люди, учились, жили, создавали, по-своему строили наше общество и стремились устранить всё, наследством доставшее от прошлого, негативное, чтоб нам подарить светлое, доброе, уютное будущее. То общество, в котором жить комфортно, где миллионам людей чужда алчность и жажда наживы, а формула жизни – свобода и гуманизм. Я благодарен судьбе, людям, честным и бескорыстным, с которыми приходилось общаться, работать, чем необычным, социально значимым событиям, которые произошли в моей жизни...

Хорошо! не буду Вас, уважаемые, утруждать философскими умозаключениями, либо вышесказанное, это тема следующей работы, а перейду к обещанной книге. Я назвал это КНИГОЙ, не знаю, может просто фото-альбом, судить Вам.

1960 год! На первый взгляд начавшийся год ни чем вроде и не отличался от предыдущих. Год как год. Зима наступила, как ей и положено, в свои календарные сроки. Не было,

из рассказов родителей, резких морозов. Начало зимы радовало погодой. Радовало, может, кого и огорчали, не обычно обильные снегопады.

Снег валил щедро, почти каждую неделю. Земля лежала объятая в тёплую, мягкую, удивительно белую шубу. 1960 год. Кто-то из учённых нарёк этот год «годом Африки», не знаю – справедливо ли это, но тогда, в далёкое время можно было, то и дело слышать в радио, которые пусть не повсеместно, но были в тундре, об очередном освобождении очередной страны от колониализма. Ево-яха, по-своему великая река. Укрытая льдом и снегом, она безмолвная несла свои воды под толщей льда, под прикрытием густого леса приютила немало птиц и зверей. Лес защищал жилище человека от холодного, пронизывающего ветра, служил ориентиром в белом безмолвии тундры. Ранним утром лес оживал трелью

обитателей реки. По обрывистым берегам паслись стаи куропаток, проворно выклёвывая сочные почки, лакомые побеги и ягоду. Из глубины тальниковых зарослей петляя и прислушиваясь к звукам, выбегали осторожные зайцы. Вприпрыжку добежали до следов ночной охоты горносталя на куропаток и, обнюхав из любопытства кучки перьев, вновь исчезали в густых зарослях. Ближе к полудню лес наполнялся уже другими звуками. Это были уже звуки, оповещающие о присутствии человека. Нет-нет, да залает собака, отгоняя оленей от леса, стук топора, это пастух заготавливает дрова или выбирает подходящее дерево для изготовления нарт. Эти звуки не пугали зверей и птиц, нет, а просто природный инстинкт подсказывал, что лес велик и река щедрая, делить здесь нечего, всем всё достанется – и любопытно наблюдали за крупным, неуклюжим человеком. По неписаным законам природы, человек, это тоже полноправный обитатель этих мест. Лес давал всё необходимое для жизни; зверям и птицам – корм и убежище, для оленевода – разные ресурсы для ведения хозяйства, организации быта, топливо для чума, смолу. Лес ещё и целебная среда для тундровика, аптека природы.

И вот, мы и подошли ближе к героям моей книги. Мои герои, это оленеводы, гордые жители тундры, люди со своей неповторимостью, аборигены севера. Говорят «тундра заманивает», это любят повторять те, кто увидел тундру по воле случая, а коренной житель неотделим от тундры, это связь обоюдно притягивающая, составная часть его жизни.

Посвящая Вам о жизни оленеводов, я не могу обойти стороной и не написать о верном друге оленеводов – об олене. Олень, «олэм» – что значит жизнь, да разве можно представить оленевода без этого обитателя тундры. Олень-это кормилец для оленевода, это одежда, жилище, средство передвижения, верный друг. Ранним утром, в мерках Крайнего севера, когда на горизонте выглядывал огромный диск красного зимнего солнца, забравшись на сопку можно наблюдать, как многочисленное стадо пасётся на склонах холмов, добывая из-под снега ягель и подснежную зелень. Эти гордые животные, покрытые от мороза инеем, важно переходят от одного участка к другому. Снежные участки пастбища переходят гуськом, впереди идут опытные, сильные животные. По утрамбованной, утопанной тропинке идут остальные олени. Время от времени останавливаются, поднимают голову и прислушиваются, убедившись, что всё спокойно продолжают пастись дальше. Стадо раскинулось на территории, которое невозможно окинуть взглядом. Но вот далеко впереди, на опушке леса раздался лай собаки, это пастух возвращает удалившихся от основного стада оленей. Однако этот лай встревожил всех оленей, и они как один механизм вскочили, встревожились, оглянулись и, сорвавшись с места, безошибочно, рванули к тому месту, где находился пастух. От этого бега местность покрылась туманом, это пар от горячего дыхания животных. Ничего не может заставить, столь короткое время собраться многотысячному стаду в условлен-

ном месте, кроме верного и неустанного друга пастуха, собаки. Оленегонная собака – это зеркало хозяина. В характере собаки отражаются все черты владельца; доброта, преданность, гуманизм и смелость. Пастух остановил упряжку возле небольшой сопки, откинул в сторону хорей, притянув передового к нарте, завязал вожжи за копыле нарты. Снял с плеча бинокль и, взобравшись на сопку, осмотрел в бинокль стадо. Было всё спокойно. После утренней кормёжки олени приготавливались к отдыху. Пастух вложил бинокль обратно в кобуру и вернулся к нарте. Не спеша развязал нарту, взял чайник и, присмотрев уютное место на южном склоне сопки, стал набирать снег в чайник. Зимний день набирал силу. Вдоль русла ручья, между пойменными холмами летала пара крупных, чёрных ворон. Они ловко кружили над стадом, пикировали, имитировали падение штопором с высоты, дополняя свой «высший пилотаж» странным пением «трон! – трон! – трон!».

Весь южный склон «ларёк сопки», так называли в тундре этот ледяной холм, прогревали слабые лучи январского солнца. Примерно на середине сопки сохранился не покрытый снегом островок земли, здесь и решил пастух развести костёр. Сопка представляла собой холм конической формы, в юго-восточной стороне росли кустарники, небольшая лиственница и две берёзы. Сушняка для костра было достаточно. Костёр горел весело и потрескивал на морозе. Вскоре крышка чайника весело запрыгала, издавая весёлый звонкий

звук и оповещая, что чай вскипел. Короткий, зимний, северный день неукоснительно катился к концу. Сумерки накрывали всё вокруг. Стихли голоса птиц, укрылись в кустах куропатки. Стадо лежало покрытое инеем. Чай быстро остывал на ветру, дрова в костре прогорали столь же стремительно. Небо всё больше и больше окрашивалось тёмно-синий цвет и ярче светили звёзды. Зигзагом прочертил небо спутник и исчез. Из-за горизонта стала показываться луна. При свете луны, со стороны холмов, то и дело вспыхивали звёзды. Одиночные, сгученные, звёзды то появлялись, то исчезали, это светились глаза оленей, отражая свет луны. Всего несколько часов дневного света и тундра незаметно погрузилась во тьму.

Ни малейшего признака жизни, всюду снег. Тишину нарушают лишь завывание ветра и скрип снега под ногами пасту-

ха. Отряхнув снег с капюшона малицы и поправив поясной ремень – тасму, пастух не торопясь уложил продукты в мешок, аккуратно завязал нарту. Накормил собак. Преданные и удивительно родные, оленегонные собаки всегда рядом. Отвязав вожжи, взял хорей. Собаки уловили движения хозяйна и радостно, виляя хвостом, закружились в своеобразном танце. Пастух уверенно направил упряжку в сторону чума. Олени безошибочно бежали к стойбищу, тёмная полоска леса на горизонте, служила ориентиром в темноте. Оленевод, олень, пастбище – это биологическая цепочка, одно целое, неразрывное. Олень понимает: человек необходимый в его жизни помощник. Оленевод месяцами находится в тундре с оленями, сторожа их, помогая появиться на свет, охраняя стадо от хищников, браконьеров. Пастух вовремя укроет стадо в ненастье, защитит от жары и гнуса. Невозможно жить в тундре без любви к природе, к животному миру. Оленеводы любят свой образ жизни, ежедневное общение с природой и природа, одаряет оленевода своим богатством. В условиях севера и отсутствия дорог, оленевод изобрёл самый надёжный вид транспорта, всепогодное средство передвижения, не заменимую оленю упряжку. Основная часть упряжки – нарты. Об этом удивительном транспортном средстве можно смело сказать, «сделан без единого гвоздя». Нарты делятся на лёгкие, используемые в повседневных поездках и грузовые, предназначенные для транспортировки хранения различных грузов. Лёгкие нарты в свою очередь делятся на

зимние, «тэло дадь» и летние, «гожьсё дадь». Зимние нарты более массивные, прочные, не очень высокие и используются для передвижения в зимнее и позднее-осеннее время по снежному покрову. Летние нарты делались лёгкими, копылья высокие, чтоб при передвижении по водным преградам нарты не захлёстывало водой. Настил нарты изготавливался из тонких досок лиственных пород дерева. Сзади и спереди нарты устанавливались бортики.

Задний бортик, как правило, был всегда выше переднего. Бортики выполняли несколько функций. Во-первых, предохраняли имущество и самого каюра от брызгов воды, комочков земли, веток, грязи вылетающих из под копыт упряжных оленей во время езды. Второе, исключали случайное

выпадение вещей, инвентаря, мешка с провизией при езде по неровной пересеченной, кочкастой тундре, когда нарты трясет и кидает во все стороны. Кроме этого, бортики придавали нарте дополнительную прочность, ведь летние нарты должны были быть лёгкими, но прочными. В летние нарты запрягали обычно от четырёх до шести оленей, в зависимости от выполняемой задачи, погоды и дальности поездок. Грузовые нарты мало изящные, но очень прочные. Они не использовались в самостоятельной упряжи, а передвигали их в цепке друг с другом, в виде грузового обоза, «аргиш». В зависимости от характера перевозимых грузов, наши предки изготавливали грузовые нарты двух видов, «утыча» – для перевозки каркаса и имущества чума, и «Додь» – для хранения и перевозки продуктов питания, носимых вещей, ценного имущества. «Утыча» изготавливались очень прочными, низкой посадкой для устойчивости и были предусмотрены для перевозки больших грузов во время кочёвок. «Утычи» как правило, не имели грузовых площадок. Грузовые нарты, «додь», были в основном трёх копыльные, прочные, со всех сторон имели деревянные бортики высотой, обычно 50–60 сантиметров. Здесь хранились продукты питания, мелкое хозяйственное имущество, одежда, обувь. Грузовые нарты «додь», в свою очередь делились на виды: «сябича» и особые нарты «сундук». «Сябича» использовалась для хранения и перевозки хозяйственных грузов, одежды, обуви, средств гигиены. В «сябичу» строго запрещалось укладывать про-

дукты питания. «Сундук», это противоположность сябиче, здесь хранились только съестные припасы. «Сундук» имел прочные, герметичные стенки, двухскатный вверху, коньковую плоскую доску и плотно закрывающийся лючок.

Для женщин изготавливались специальные «женские нарты». Женские нарты прочные, многокопильные, с бортиками с трёх сторон. Вся поверхность нарты укрывалась чехлом из прочной, цветной ткани. Во время длительных переходов и бесконечных кочёвок по тундре, это изобретение оленеводов спасало малых детей от непогоды, морозов и внезапных проливных дождей. Помню из детства: во время перекочёвки мама укладывала нас в нарте вдоль бортиков, давала связку сушек и укрывала накидкой. Под монотонный бег оленей и мелодичное пощёлкивание копыт мы начинали грызть аппетитные сушки и засыпали.

Во время коротких стоянок к нам подходил отец, поднимал накидку и, убедившись, что всё в порядке, аргиш вновь трогался в путь, в путь по бескрайней и ослепительной белизны, от снега, тундре.

1960 год, год моего рождения. Я мало, что помню о климате этого года. Предполагаю, что это был год с редкими осадками, тёплый и малооблачный. Да, были и снежные месяцы, снег валил крупными хлопьями и покрывал мягким снежным ковром землю. Детство моё прошло в тундре, в оленеводческой бригаде, среди мужественных людей- оленеводов, среди бескрайних просторов тундры. Малая родина дет-

ства, это тундра от реки Ево-яха, до реки Сябу-яха. Познавал мир, как и многие дети оленеводов, общаясь с куропатками, оленями и с северной природой. Достопримечательности тех времён, колоритный пейзаж тундры, северных рек, чумы, нарты и таинственный ёр. Вокруг ёра проходили все события бригады. Здесь принимались важные решения, сюда тянуло каждого, кто оказывался в тундре. С ёра начинался трудовой день бригады, это ежедневный рабочий загон. Здесь пастухи вылавливают ездовых оленей.

В проведении ёра участвуют все: мужики загоняют оле-

ней, женщины стоят у входа и держат верёвку, чтоб перекрыть выход оленям. Детвора, как воробьи, усевшись на нарты, с любопытством разглядывают оленей. У ёра бригадир даёт указания пастухам, отправляющимся на дежурство в основное стадо.

Ёр-контора бригады, офис, сказал бы современник. Зима. Река Ево-яха.

Четыре чума затеряно стояли среди деревьев в лесу, влились единый пейзаж и были не приметны среди елей и лиственниц. Кругом сугробы. Как лучи солнца, отходили от чумов тропинки в лес. Метров двухсот от чумов обрывистый берег и река. Русло реки сплошь испещрено поперёк мелкими тропинками – это заячьи тропы. Жизнь в стойбище оживала с первыми лучами солнца и, как то сразу затихала по-

сле ёра, т. е. после полудня. Пастухи уезжали в стадо. Женщины принимались за повседневные занятия. Собаки, те которых оставили на привязи, свернувшись, клубочек, дремали, улавливая чуткими ушами все звуки. Порой из леса, со стороны малого стада, возвращались ездовые быки или прирученные «авки», в надежде подкормиться. Тогда тишину в стаде нарушал лай собак, отгоняющий через чур любопытного оленя.

Январь, первый месяц года, месяц моего дня рождения. В январе, пусть и не надолго, в тундру приходит солнце. Лучи солнца приносят радостное настроение тундровикам. Морозы крепкие, но сухие, без ветра и снегопадов. Небо круглые сутки ясное, безоблачное. Ночное небо сплошь усеяно ярко мерцающими звёздами. Северное полушарие неба украшено северным сиянием. Этот парад красок всё время в движении, кажется, что реагирует на любое движение человека. Меняет краски, сжимается, бежит, расширяется. Северное сияние освещает путь в тундре. Оленевод привык к этому явлению природы и с благодарностью принимает это ночное, небесное явление. Пастухи в стаде. Обсудив с дежурным пастухом обстановку, стараясь, лишней раз не тревожить стадо, делятся на две группы и начинают тщательный осмотр края тропы. Объезжать или «кружить тропу», это обязательное, ежедневное мероприятие перед сменой дежурства. Стадо готовится к ночлегу. Бригадир с пастухами обсуждают состояние пастбищ, определяют продолжительность использо-

вания участка и время перегона стада на новые пастбища. Тундра постепенно погружается в тишину. Бригадир даёт указания дежурному пастуху и направляется к нарте, пора возвращаться в стойбище.

Оленевод знает тундру без карты. Без компаса, ориентируется в этом бескрайнем, снежном пространстве. С закатом, как по команде, начинали дружно и весело лаять собаки, прыгая и предупреждая хозяек чумов, о том, что едут пастухи.

И снова в стойбище оживала жизнь. Лес заполнялся человеческими голосами, звоном колокольчиков, упряжи, скрипом полозьев нарт. Лаем собак. Пастухи распрягают оленей,

отряхивают упряжь от снега и льда, складывают всё на площадку нарты, под не выделанную шкуру оленя – амдёр. Уходят пить чай. На первый взгляд, трудовые будни оленевода кажутся однообразными, но это только на – первый взгляд! День, свободных от дежурства пастухов, начинается с осмотра упряжи, нарт, мелкого ремонта. Сбора и заготовки дров. Подготовкой материалов для изготовления нарт разного значения, жердей для чума. Как натянутые луки стоят у каждого чума, на растяжках, полозы для нарт. Заготовку для полозьев делают из лиственницы. Скрупулезно, специально подготовленным топором вытёсывают полозья и головку. Закрепив растяжку, начинают припаривать верхнюю часть полоза над огнём. Это зрелищное мероприятие привлекает всю детвору стойбища. Мальчишки начинают, в меру сил и опыта, активно помогать взрослым. Постепенно натягивая растяжку с помощью жерди, пастух добивается нужной кривизны изгиба верхней части полоза. В таком состоянии полоз оставляют в покое на пять – шесть дней. Копылья, вязи и нащепи, изготавливают из берёзы.

(Весенние пастбища. Фото 1938 года)

Всю зиму олени пасутся отдельно: маточное и быки – транспортное. Быки пасутся всегда возле чума, маточное поголовье, «Ыджыд кэр», в удалении до десяти километров и укарауливается круглосуточно. Наибольшую опасность для стада представляют волки. Эти полярные хищники, наткнувшись на стадо, разгоняют её, раскалывают и режут большое количество оленей. Олени прекрасно передвигаются по заснеженным участкам. Широкие, изогнутые, лопатообразные копыта создают хорошую опору и удобны при поиске корма. Дополнительные боковые копытца увеличивают опорную площадь копыт. Ловко используя передние ноги, олени легко разгребают снег в поисках ягеля. Хорошее обоняние, природный инстинкт помогают оленю находить под толщей снега корм: ягель, подснежную зелень, ягоды, замороженные

грибы.

Олени большие любители соли. В поисках соли лижут глину, юфть и сыромятную упряжь, с удовольствием съедают мочевины вместе со – снегом. Зимнее время обязательно проводится солевая подкормка оленей.

Дежурный по транспортному стаду, с утра осматривает пастбище и собирает оленей к чуму. В установленное время все подходят к ёру и начинают загонять оленей в ёр. С одного края загона в цепочку выстраиваются пастухи и начинают гнать животных к входу в ёр. С противоположной стороны помощники, женщины, дети, с верёвкой руках замыкают круг. Пастухи отлавливают ездовых, для дежурных упряжек, или для выполнения хозяйственных работ. В ёре олени стоят плотной массой, в ёр заходят оленеводы и выбирают своих ездовых оленей. Ловят и выводят за ёр.

В дни, когда бригада собирается перекочевать на новые пастбища и в период весеннего снабжения, когда надо выловить большое количество ездовых оленей, ёр увеличивают в размерах. Оленеводы стараются загнать практически всё транспортное стадо в ёр. В этом случае нет необходимости вылавливать дополнительных оленей на аркан. При снабжении на весенне-летние кослания, пастухи для аргиша запрягают сильных, обученных, «транспортных» оленей. Путь до посёлка и обратно составляет в среднем двести и более километров.

(Ёр. Процесс ёркования)

Снег в это время уже рыхлый, накатанной дороги нет, да и весна бывает обманчивой. Сильные метели в это время года не редкость и здесь очень важно открытые участки тундры пройти без остановок, чтобы олений караван не застала внезапная пурга. Кроме продуктов, которых берут в большом количестве, так как снабжаются до осени, оленеводы берут и промышленные товары, ветеринарную аптеку, средства защиты оленей от гнуса и овода. И весь этот груз, по бездорожью везёт, удивительно выносливый, сильный олень.

Река Хадутта.

Самая крупная река на летних пастбищах, общая протя-

жённость её до 200 км.

В разговорной речи оленеводы часто, эту водную магистраль любовно называют на свой лад: Хадычей, Хадуттэ и я в части книги буду придерживаться этого лексикона. Русло реки очень извилистое. Изгибы реки часты и довольно круты. Ширина реки Хадутта колеблется от пятидесяти до сто семидесяти метров.

Глубина реки от тридцати сантиметров до двух метров, в отдельных местах глубина достигает до пяти метров. Течение в среднем три, четыре километра в час. По всей реке обширные пески, прекрасные пляжи, по которым мы в детстве бегали гоня куликов, ставили капканы на гусей в местах, где пробивалась ране-весенняя зеленная трава. Берега покрыты лесом, это и строительный материал и топливо. Много кустарников, сушняка. Хадутта судоходная река, позволяет в весеннее время подняться до 25–30 километров от устья. Выше появляются мели и перекаты, плавание здесь возможно только на средних плавсредствах. Весной, после ледохода, на лодке «Казанка», поднимались до устья реки Хынгхарвута. На этом месте расположена перевалка оленеводческой бригады № 4. Практически все северные стада весной и осенью переваливали эту могучую северную реку. При переправе стадо через реку Хадутта оленеводы не встречали особых сложностей. Грунт всюду песчаный, плотный. Перевалка реки удивительно зрелищное и ответственное мероприятие. Строки об этих местах заставляют оживать в па-

мяти воспоминания из детства, заново пережить эти моменты. Мы, малышня, радовались этим перевалкам, так как, это удобный случай поиграться на воде и покататься на лодке. Пока взрослые перевозили нарты и имущество, мы носились по берегу, играли, охотились из лука.

На месте перевалки ставили временные чума. В бригаде всегда имелась лодка, которую использовали для рыбалки на летних стоянках или при кочевьях, для перевалки рек. Переправу начинали с лёгких нарт. Грузили на лодку нарты и два пастуха гребли на вёслах. Течение реки было сильным, на стрежне достигало до шести километров в час, вода прозрачная, тёмно-синего цвета. По берегам, от вращения воды, образовывались суводы, и мы всегда боялись попасть в них. Кто по смелей, молодые оленеводы, привязывали две лёгкие нарты друг к другу, и переправлялись вплавь. С берега с любопытством наблюдали за отчаянным переправля-

ющим, сопровождали шутками. Примерно на середине реки, нарты погружались до полметра в воду, вода переваливалась через нарты и здесь было важно, не дать потоку воды оторвать ноги от нарты. Олени плыли ровно, сильно, практически не погружаясь в воду – вода для оленей не преграда. Однажды при перевалке реки Хадутта, произошёл такой случай...

Один из пастухов, снял поясной ремень, тасму, и положил на край лодки, когда поплыли, от качки пояс упал в воду. На берегу стояли: пастухи и мы – детвора. Гоша решил достать ремень, Гоша, это мой старший брат, разделся и нырнул под воду. Отец не мог смотреть на это и отвернулся. Гоша исчез в пучине воды и... словно время остановилось... долго не появлялся из-под воды. Вынырнул внезапно и совсем не на том месте, где его ожидали увидеть. Течение унесло его вниз. Он поплыл к берегу и все увидели в его руках ремень: нашёл и достал.

Я посмотрел на отца и увидел катящую по его щеке слезу. Переправа обычно, продолжалась весь день, т. е. восемь, десять часов. Грузовые нарты привязывали по два, поперёк лодки. Для безопасности и усиления непотопляемости, к лодке с обоих бортов дополнительно привязывали сухие брёвна либо шесты от чума.

(Река Хадутта. Мелкий, выпуклый и обрывистый вогнутый берег. Фото 1938 года.)

С правой стороны в реку Хадутта впадают притоки Ен-яха и Харвута. Река Ен-яха имеет протяжённость более 70 километров, ширина русла от 30 до 80 метров. Река очень мелководная, с обширными песчаными берегами. Берега высокие, сухие, холмистые, с большим количеством озёр и различных проток. Река Харвута «нижняя» по протяжённостью равна реке Ен-яха, но русло узкое от десяти до двадцати метров, практически без леса. Берега ровные, пологие, песчаные. В пойме реки множество травянистых болот. В обиходе пастухи называют эти места коротким названием, «хасырей». Травянистая растительность «хасырея» разнообразная и это делает их ценной кормовой базой для оленей. Олени пасутся на «хасыреях» спокойно и круглосуточно. Даже весной, когда часть «хасыреев» бывает залита водой, олени с огром-

ным удовольствием идут на эти пастбища.

С левой стороны реки Хадутта протекают три основные протоки: река Сябу-яха, Сидимютте и река Хынг-харвута. По протяжённости эти реки практически одинаковые, но по ширине река Сябу-яха уступает двум остальным. Ширина реки от двух до четырёх метров. Русло реки обрывистое, покрытое мелкими кустарниками разного типа. Берега холмистые с множеством ручьёв. На всём протяжении русла до устья реки, лес представлен отдельно стоящими деревьями и лишь в месте падения реки в русло реки Хадутта встречается густая, лиственная роща. Протоков мало, в основном они впадают с правой стороны. Прирусловые озёра рыбные и сама река имеют рыбу. Весной, по большой воде, рыба поднимается на озёра на вершине реки и её протоков. В летний период оленеводы сетями вылавливают озерную рыбу на пропитание.

В устье реки Сябу-яха, где река Хадутта образует большую излучину, расположена временная пристань для катеров. Сюда, в конце августа, привозили нас родители на нартах и здесь мы ждали катер, который должен был увезти детей в посёлок, в школу. Не всегда катер приходил на место в условленное время и иногда приходилось ждать несколько дней.

Звук приближающегося катера можно было услышать издалека. Шум работающего двигателя хорошо распространялся по воде. Периодически доносился звуковой сигнал подава-

емый с судна. Катер приближался. По красной звездочке в носовой части корпуса, мы легко узнавали, что к нам плывёт Ярослав, «Оленевод». В рубке, за штурвалом, стоял Гоша, на палубе готовился отдать швартовые Семён Ямзин. Заметив нас на берегу, Гоша дал гудок, мы радостно помахали в ответ.

Наши родители, пастухи, важно сидели на берегу и о чём то беседовали. Прокопий Семёнович Вокуев держал в руке несколько кустов красной смородины и готовился угостить ягодами моряков катера. Он знал места, где растёт эта ягода. Мы с ребятами несколько раз пытались разыскать кусты

смородины, но ничего от этой затеи не вышло. Промокшие от росы, мы возвращались в шалаш. Приход катера поднимал настроение оленеводам. Делились угощениями. У оленеводов всегда были с собой мясо и рыба. Все были рады встрече. Обменивались новостями, расспрашивали о знакомых, родственниках. На берегу разжигали костёр и накрывали стол. Каждый нёс к столу свои припасы. Не вероятным лакомством был свежий хлеб, который привезли оленеводам из посёлка на катере.

«Оленевод», это катер проекта РМ-376. Катер предназначен для перевозки грузов и пассажиров. Не оценить работу теплохода «Оленевод» по буксировке плотов со строительным лесом для нужд Самбурга. В каждом новом жильё, построенном производственном объекте, есть доля труда этого безотказного труженика рек. Капитан, Вокуев Егор Андреевич, наш Гоша, отработал на речном катере «Оленевод», на разных должностях, более двадцати лет. Прошёл путь от рулевого моториста до капитана судна...

В пойме реки Хадутта очень много озёр. Большая часть из них, рыбные. До прихода оленеводов, в реке Хадутта никто не вылавливал рыбу. Местные ненцы, кочующие, добывали рыбу в основном в пойменных озёрах. В конце сентября, после ледостава, мы с родителями ставили сети в устье Сидимютте и в русле Хадытта. Ловилась полномерная, стандартная, прекрасно упитанная рыба.

В основном попадался щокур. Река Сидимютте, хорошая

кормовая база для оленей в весенний и осенний период. Общая длина до 35 километров, ширина до десяти метров. При кослании на летние пастбища, на вершину левой протоки, делали промежуточную стоянку на развилке реки. Чума ставили на развилке реки Сидимютте, на левом, либо на правом притоках. На летовку основные чума ставили на вершине левого притока, на берегу рыбного озера. Реки Хынг-харвута и Сидимютте, основные крупные притоки реки Хадутта с левой стороны. Место кормежки линных гусей и уток. Стада гусей и серой утки, «кэрэг», достигали до 60–80 птиц. Здесь много памятных мест. По всеместно: в хасыреях, в обрывистых, вогнутых берегах рек и на холмах встречаются кости могучего мамонта. На холмах стоят полуразрушенные, заброшенные слопцы на песца.

Любимые места птиц для гнездовья. Летом по руслу рек появляются мели и перекаты, это отличные места купания в знойный день. От устья до развилки, река Сидимютте, в прирусловой полосе, покрыт довольно крупным лесом. Много разных притоков, но они короткие, покрытые кустарника-

ми. По большой воде, весной, по левому притоку поднимается рыба и остаётся до икрамёта в озёрах. На берегу каждого рыбного озера летние стоянки оленеводческой бригады. Река Хынг-харвута имеет более мелкий лес. Выше весеннего кораля лес практически отсутствует, встречаются отдельными группами молодые лиственницы. В связи с отсутствием кормовой базы рыбы в реке Хынг-харвута практически нет. На широких участках встречаются прирусловые пески. Река не судоходная. Ниже кораля, на развилке первой притоки с права, проходит старая почтовая дорога. Дорога интенсивно использовалась до середины сороковых годов. В памяти тундров она сохранилась под названием «дорога № 5». Берега реки Хынг-харвута высокие, холмистые, живописные, много озёр и разнообразной дичи. На всех обрывистых берегах гнездятся колонии стрижей.

В конце июня, когда начинала пробиваться первая зелень, стадо перекочевывало к вершине реки Сидимютте. Промежуточная, временная стоянка расположена между левым и правым притоками реки Сидимютте, возле небольшого «хасырея». Места уникальной красоты, северный храм природы, прекрасные сезонные пастбища. Встречаются поразительно толстые, вековые деревья.

В детстве мы, дети, часами лазили по их могучим ветвям, прыгали с них на песчаный берег. В метрах 3-х от леса лежит озеро, где любили гнездиться дикие гуси. Пастбища, расположенные в поймах рек Хадутта и Хынг-харвута, холмистые

с множеством травяных болот и использовались в основном в период отёла. Отёл- ответственная кампания для оленеводов. Правильный выбор пастбища, грамотной организации работы бригады, всё это ложилось на плечи бригадира. В стаде круглосуточно дежурили по два пастуха. Отец выезжал на дежурство ежедневно, но постоянным напарником по дежурству был молодой пастух Вячеслав Айваседо. Отправляя пастуха к передней, головной части стада, отец подробно объяснял Славе его задачи: «Не торопись, не тревожь сильно оленей, чтоб они не побежали, – говорил отец, – придерживай оленей, не давай им уйти далеко вперёд, чтоб не растянуть стадо». В передней части плодового стада скапливались в основном сильные, молодые олени, яловые и ещё не отелившиеся важенки. В поисках богатых участков пастбищ они могут спокойно отколоться от основного стада. В задней части стада пасутся отелившиеся, либо готовящие телиться важенки, ездовые быки и прирученные «авки».

Задняя часть стада пасётся спокойно, много молодняка. Здесь требуется от дежурного пастуха огромное внимание и опыт. Опытный оленевод постоянно держит оленей в поле зрения. При необходимости, надо вовремя оказать помощь слабым важенкам при отёле, следить, чтоб важенки не бросали новорождённых телят, оказывать помощь слабым телятам. Важно заставить новорождённых телят двигаться, а не лежать. Не тревожить оленей собаками чтоб важенки паслись спокойно. Когда действия дежурных пастухов согласованны, тогда и стадо всегда под контролем. Олени содержатся свободно, пасутся компактно, но не скученно. Во время весенних коральных работ отец оставлял моло-

дого пастуха дежурить в транспортной части стада. Это воспитывало чувство уверенности, ответственности и самостоятельности. Умение правильно организовать выпас и укарауливание стада. Уроки бригадира не прошли даром для Вячеслава. Вячеслав Аткович Айваседо освоил все тонкости оленеводства, достиг высот профессионального пастуха-оленевода. Всю свою жизнь он посвятил оленеводству, вырастил, воспитал и обучил детей. Проработав не один десяток лет оленеводом – пастухом в совхозе «Пуровский», Вячеслав Аткович ушёл на заслуженный отдых.

Во время отёла важенок, в стадо оленеводы берут отдельных собак, спокойных хорошо слушающих команды. Умеющих понимать хозяина, обходить и не тревожить новорождённых телят, отгонять хищников: птиц и песцов, от стада. Транспортные олени выпасались отдельно от маточной и ежедневно подгонялись к чумам для отлова упряжных оленей. Маточная часть стада, «теляя кэрх» выпасалось в устье реки Хынг-харвута.

В хорошую солнечную погоду родители всегда брали нас, мальчишек, с собой стадо. Здесь мы узнавали много нового об оленях. Учились как вести наблюдение за поведением животных в стаде, как их распознавать, чем питаются олени. Знакомились с местностью и птицами. Однажды, когда мы с отцом дежурили и осматривали стадо с невысокого холма, я заметил, что одна важенка ведёт себя не спокойно и всё время «хоркает». Об этом я спросил отца. «Она потеряла те-

лѐнка, или телѐнок заблудился, упал в яму, – ответил отец, – поедem поищем». Осмотрев район, где тревожилась важенка, мы нашли телѐнка. Отец осторожно поставил его на ноги и хореем направил в сторону матери. Заплетающими ногами малыш неуверенно побежал к матери. Телята беззащитны и уязвимы лишь в первый день рождения, на второй день уже хорошо бегают и практически не отстают от мамы. После первого же кормления молоком, мать узнаѐт своего телѐнка среди множества других телят.

Осмотрев в бинокль стадо и убедившись, что всё спокойно, отец развѐл костѐр и поставил чайник. Наслаждаясь душистым чаем под лучами весеннего солнца, я спросил его:

– Айе(Пап), а ты помнишь своё первое свидание?

– Свидание? – переспросил он меня, – да, помню, а может, что-то и забыл.

– Расскажи, – не унимался я.

– Давно это было, – отец задумался, вспоминая, – наверное, летом 1940 года, тогда мне было пятнадцать лет. Мы с отцом, с твоим дедом, поехали в соседнюю бригаду в гости. Чума стояли недалеко, и погода была подходящая для поездок. Отец стал рассказывать, погружаясь в воспоминания, останавливался, делал паузы восстанавливая в памяти некоторые детали.

– Вот там я впервые увидел незнакомую девушку.

– А какая она была? – спросил я.

– Ну какая! одета просто, аккуратно: в сарафане, в кокош-

нике, по-женски. Густые темные волосы, почти до плеч. Я не помню всё. Мы обменялись улыбками.

– А что она сказала тебе, тогда, при встрече? – продолжал наступать я.

– Не помню. Она была стеснительная и я первым начал разговор. Узнал, что она приехала к родителям из-за Урала, где жила у родственников.

Доливая с чайника горячий, ароматный чай в чашки, отец незаметно перевёл разговор на другую тему.

– Вон видишь, – обратился он ко мне, – высокую сопку на горизонте?

Я посмотрел в сторону куда указал отец и рассмотрел далеко впереди высокий холм. Он возвышался над всеми

остальными и напоминал перевернутую лодку. – Да, – ответил я, – вижу.

– Это приметная сопка, «Пыж мыльк», ненцы её ещё называют «Нянь-сядэ». С любой точки Ходыттея, либо с каменной стоянки, эту сопку хорошо видно и она служила ориентиром для путников, которые добирались по тундре пешком до оленеводческих бригад. Был такой случай, – продолжал отец, – дирекцией совхоза было принято решение, с трёх северных бригад выделить слабых оленей и погнать к реке Хадутта для забоя. Для согласования сроков забоя к нам должен был приехать зоотехник совхоза. Лето было очень жаркое. Гнус и овод беспокоили стадо круглые сутки, от усталости пастухи валились с ног. Выбраковка и забой слабых оленей был совершенно необходим. Мы со стадом кослали ближе к сопке «Пыж мыльк» и поставили маленький чум на высоком месте, чтоб могли заметить с большого расстояния. Прождали неделю, но никто к нам так и не приехал. Позже, спустя два месяца, мы узнали, что к нам направляли зоотехника Рапопорт. До устья реки Сябу-яха он добрался на моторной лодке и дальше пошёл пешком. Поднимаясь вверх по Сябу-яхе не заметил, что река делает поворот и по протоке ушёл к вершине реки Паёта. Блуждал неделю пока не вышел к чумам рыбаков.

– А как же сопка, – спросил я отца, – почему он не пошёл на неё?

– Он впервые попал в тундру и не знал, что если заблуд-

дишься всё вокруг будет казаться одинаковым. Забыл об ориентирах. Был молод, самонадеян и думал, «что там пару часов и буду в чуме». Отправился в путь налегке, без чайника, ножа и продуктов, всё оставил в лодке. Лодку потом нашли рыбаки и передали в совхоз.

– А кто был директором совхоза в то время? – задал я очередной вопрос ай-бате.

Отец поправил догорающие дрова в костре, минуту помолчал и ответил:

– Очень хороший человек, добрый, требовательный, а иногда строгий, Вануйто Николай Иванович.

– Ты его помнишь? – спросил я, – расскажи о нём.

Отец поднялся и направился в сторону нарты. Взял бинокль и стал внимательно осматривать стадо. Олени мирно паслись на холмах и на обширных участках проталин в пойме реки. То там, то здесь, метались коричневые, чёрные и

пёстрые клубочки-это носятся телята, играют. В играх и в беге, они учатся владеть телом, укрепляют ноги, тренируют координацию. Но и хищники- песцы тут, как тут. Их больше десятка. Взрослые олени не обращают на них никого внимания. Песцы не представляют опасности для взрослого оленя, да и телята уже подросли.

Стараясь не опустить шанс, песцы преследуют играющих телят, но мамы, важенки, на чеку и прогоняют надоедливых песцов от своих малышей.

Отец вложил бинокль в кобуру, спрыгнул с нарты.

– Завтра перегоним стадо вон за те холмы, к лесу, – посмотрел на меня и продолжил, – видишь облака с Запада поднимаются, скоро придёт снег, метель.

Я посмотрел на горизонт. С Западной части неба, словно веер, поднимались тёмные, широкие полосы туч.

– Здесь слишком открытая местность, в пургу слабые телята могут погибнуть.

Мы вернулись к костру. Костёр начал прогорать. Отец набрал в чайник свежей воды, подтопил костёр и поставил чайник на огонь. Когда чай был готов, отец продолжил рассказ:

– Вануйто, – не закончив фразу, отец провёл рукой по волосам и покрутил клок волос на макушке. Так он делал всегда, когда надо было собраться мыслями, что то вспомнить, – он 1905 года рождения, родом с Урала. В 1933 году был назначен директором совхоза «Кутопьюганский». Познакомились они с твоим дедом в конце тридцатых годов, при об-

суждении пастбищного фонда в Кутопьюгане. В 1936 году Николай Иванович уволился с должности директора совхоза. Твой дед рассказывал, что забирали его в НКВД. На него подписали какие то бумаги работники совхоза. Этих работников отпустили, а Николай Ивановича стали допрашивать как «врага народа». Его год пытали, били, не давали спать. Однажды, рассказывал Николай Иванович, его привезли в камеру, где пол был утыкан гвоздями. Просили признаться, что он «враг народа», а когда он отказался, то следователи бросили его на гвозди. Он страшно испугался и закричал, но оказалось, что гвозди резиновые, то есть хотели напугать человека и подписать признание, что он «враг народа, враг партии». Разные перенёс издевательства этот северный человек. В один из дней к нему в камеру вошли сотрудники НКВД, связали руки и вывели во двор. Скомандовали: «Вперёд, к стене!». Но, ноги не двигались, тело, под влиянием сильного потрясения, охватило оцепенение. Подошли два сотрудника, взяли под руки, грубо потащили и поставили лицом к стене. Зачитали приговор. Конвой прицелился. Раздался залп. Пули со страшной силой вошли в деревянную стену выше головы. От чудовищной силы удара пошатнулась стена. Открыл глаза – «живой». Подошёл сотрудник НКВД, – «подпиши и свободен». Николай Иванович отказался, – «я коммунист, я большевик, за партию, за Сталина!». В сороковых годах его назначили директором Пуровского оленеводческого совхоза. За чаепитием отец поведал мне вот такую историю:

Зимой, в середине пятидесятых годов, Николай Иванович Вануйто объезжал на оленьих упряжках бригады совхоза. В одном из отдалённых стойбищ, куда он приехал, тяжело болел малыш. Медлить было нельзя. Николай Иванович срочно направляет отца больного малыша в посёлок за фельдшером. Через некоторое время приехали две упряжки. Какое же было удивление директора совхоза, когда перед ним вместо медика появился начальник оленеводческой бригады Вокуюев Андрей Николаевич с мешочком медикаментов в руках. Получилось следующее: Отец больного ребёнка, Окоэтэто,

оценив ситуацию: до посёлка было более ста километров по тундре и бездорожью, а если метель? И он принимает решение, «Ехать за помощью до ближайшего стойбища». Рядом стояла оленеводческая бригада Вокуева. Малыша спасли, он выздоровел, вырос хорошим человеком, добрым отцом, стал наставником молодёжи по спорту.

В начале 60-х годов в городе Салехард состоялась встреча Николая Ивановича с друзьями, товарищами по работе. Много вспоминали об оленеводах, о тундре. В окружном центре он руководил совхозом «Салехардский». Ушёл на пенсию Николай Иванович Вануйто с должности заместителя председателя Окружного исполнительного комитета Окружного Совета народных депутатов...

Осматривая стадо, осторожно передвигаясь между оленями, мы обнаружили несколько новорождённых телят. Отец прижимал их легонько, в области шеи хореём и вырезал на ухе клеймо четвёртой бригады. Дежурные пастухи ведут ежедневный учёт телят, по окончании дежурства докладывают бригадиру об итогах отёла за период дежурства.

В июне день достигает максимальной длины, тундра покрывается первой зеленью. Во второй половине июня проводится весенний кораль, подсчёт оленей после отёла. Коральные дни, это праздник для нас, для мальчишек. Стадо делят на две половинки, и поочередно загоняют в кораль. При делении стада, часто телята, не произвольно, отлучались от матерей. Потеря мамы для оленят страшная трагедия.

И тогда, в эти весенние дни, тундра заполняется хором телячьих голосов и рёвом важенок, в тревоге разыскивающих своих малышей. Стая телят, не переставая голосить, мечется по тундре. Пробежав полпути, останавливаются, сбившись в кучу, они не решались, куда бежать дальше? разворачиваются и бегут обратно. Важенки, гонимые материнским инстинктом, искали своих малышей среди оленей. Уловив чутким слухом голос телят в тундре, рысью устремляются на зов. Волнение важенок за своих малышей не напрасно, на шум телят обратил внимание песец и не прочь попробовать удачу. Заметив телят, важенки ускоряют бег. Воссоединение телят с матерями очень трогательное, не забываемое зрелище. Разноголосый шум усиливается, важенки в силь-

ном волнении обходят всех телят в поисках своего. Наполненные эмоциями радости, возбуждённые и голодные, телята стремятся покушать, но важенка кормить чужих телят сразу не станет, обнюхивая, не переставая звать голосом, она ищет своего малыша. У каждого телёнка с мамой свой язык и из множества малышей она находит своего. Убедившись, что это её телёнок, важенки торопятся вернуться в стадо. Во время коральных работ проводили просчёт оленей с учётом пола и возраста, клеймение новорождённых телят, капали в глаза препарат «новарсенол», взрослым оленям, кроме телят до одного года, ставили противосибироязвенные прививки. Не далеко от коралей, на сухом месте ставили не большой чум. Чум использовали для отдыха и принятия пищи. В дни, когда было много работы, в коральных работах участвовали и женщины. Женщины готовили пищу, чинили одежду, заготавливали дрова и следили за чумом. Создавали домашний уют. Мы, детвора, были в восторге от коральных работ. Практически спали «на ногах». Бегали по загону ловили телят, подтаскивали к взрослым и держали пока взрослые вырезали клеймо бригады на ушах. Я смотрел, как отец ловко вырезал метки на ушах телят. Телята стояли спокойно и не пытались вырваться, застывали в ожидании чего то и лишь незаметная дрожь пробегала по ногам и телу. Сегодня о корале, где, когда то кипела жизнь, паслись олени, напоминают чудом сохранившиеся строения рабочих загонов и дополнительной изгороди.

Кораль построен на левом берегу реки Хынг-харвута, примерно в восьми километрах выше устья реки. В апреле 2012 года, мне довелось побывать в этих местах вновь. 17 апреля, в восемь часов утра, я выехал с посёлка Самбург на снегоходе в сторону реки Хадутта. Погода стояла удивительно тёплая, светило солнце, небо ясное, ни облачка. Наст был ещё крепкий, но вся тундра была покрыта огромными полями проталин. На высоких местах ягель успел просохнуть на солнце и был хрупким. Повсюду встречались куропатки. Разбившись на пары, они охраняли свои территории, устраивая куропачьи бои. По берегам рек и озёр образовались забереги. Вскоре я увидел высокий берег реки и занесённый снегом кораль. Кораль, это стационарный загон для проведения бонитировки оленей. Неописуемые чувства охватывают

душу и сознание при виде знакомых мест, где не был много лет, где всё знакомо до мелочей. Словно из какой то глубины оживают и слышатся голоса. Увиденное заставило меня вспомнить события того времени, людей...

К строительству приступили в начале мая. Строили всей бригадой. Жерди рубили в пойменном лесу реки Хадутта и в устье реки Хын-харвута. Обработывали на месте и возили до места стройки. Возить приходилось по ночам, либо рано утром. Днём снег рыхлый и тяжёлые грузовые нарты проваливались. Ночью снег замерзал и образовывался наст. Жерди сразу распределяли по предполагаемому периметру загонов. В зависимости от длины жердей, закапывали столбы и в них

заколачивали жерди в три – четыре ряда. Мне запомнилось, как отец требовал, при заколачивании гвоздей использовать обязательно только молотки. Дело в том, что часто пастухи забивали гвозди обухом топора, при этом гвозди загибались, входили в дерево в произвольном направлении, всё это приводило к браку в работе и повышенному расходу материалов. По вверх жердей натягивали металлическую сетку, которую привезли с посёлка во время снабжения. Один рулон сетки был в длину примерно девять – десять метров. К первой декаде июня кораль уже был готов. Загнать оленей в кораль сложный процесс. Парой, чтоб загнать половинку стада в кораль, уходит несколько дней. При провале первой попытки загнать оленей в кораль, обычно второй раз, в тот же день, не удаётся, олени запоминают опасность. Нужно сутки спокойно пасти, успокоить оленей. Загонять оленей в кораль начинали рано утром. После небольшого совещания, где обговаривались все возможные ситуации, пастухи и помощники расходились по местам. Отец привязывал к своей нарте спокойную, обученную важенку. Запрягали очень сильных, но смирных оленей. Мы укрывались с двух сторон у входа в кораль, было очень важно, чтоб олени не заметили нас и не учуяли запах. С нашей стороны лежали: Хэно Вэна, Гоша Вокуев и Ефим Айваседо. Тимофей, Роман, Хэно Ямбуку и Максим Вокуев притаились с правой стороны входа в кораль, вдоль берега реки. И вот далеко в тундре послышался голос отца. Через какое-то время появилось стадо. Тёмная масса

олений, поднимая матовую пыль с высохшей земли, в какой то тревоге, обнюхивая землю и воздух, двигалась в нашем направлении.

Но, что, то спугнуло оленей. Часто это бывают куропатки, которые с угрожающим криком вылетают из гнезда. Первые олени, это в основном важенки с телятами, бросились в сторону и побежали назад, за ними побежали остальные олени. Отец повернул нарту и стал с боку обходить стадо, чтоб вернуть оленей обратно. Послышался сильный и натренированный голос отца, заставивший оленей остановиться и прислушаться. Олени знают этот уверенный голос и подчиняются команде. Через некоторое время стадо появляется вновь и стало, с каким- то рёвом, приближаться к коралю. Впереди, с обнажённой головой, ехал стоя на нарте отец. Отец призывал оленей голосом, два пастуха осторожно под-

гоняли стадо сзади. Мы притаились, затихли, стараемся лежать не шевельнувшись. Мимо проехал отец и на ходу предупредил нас: «Ин вэрэ» – не шевелитесь! Передние олени притормозили, остановились и стали смотреть на нас наострив уши. Задние олени напирали и заставили передних двинуться дальше. И эта ревушая масса вновь двинулась с места, поднимая тучи пыли. Пастухи очень осторожно, стараясь не спугнуть, подгоняли стадо хорями и спокойным голосом заставляли двигаться оленей вперёд. Вот и всё стадо миновало линию ворот, где мы лежали в засаде. От напряжения чувствовалось как волосы шевелились на голове, все готовились к броску. Как только мимо нас прошли нарты пастухов, подгонявших стадо сзади, мы, как заведённая пружина, прыгнули, издавая на ходу непонятно-фантастические крики, побежали закрывать проход. Я бежал с брезентом. Пастухи, опустив вожжи, прыгнули на ходу с нарт, схватили длинные жерди и стали закрыть основные ворота.

Олени почувствовали неладное и повернули назад. Задние олени, особенно телята, не успели сориентироваться и были смяты движущейся на них живой лавиной. Образовался холм из оленьих туш. Не увидев выход, олени стали кружиться по загону. Взявшись за брезент, мы выстроились в цепочку и стали зажимать стадо к рабочему загону. Свободные пастухи принялись быстро растаскивать оленей из кучи. Обошлось без потерь. Пока мы придерживали животных, отпугивая их брезентом, пастухи закрыли ворота основного

загона. Все были довольны удачной работой, делились впечатлениями, шутили друг над другом.

Осмотрев ворота, чтоб они были надёжно заперты, укрепили дополнительными жердями и на них закрепили куски брезента и шкуры, это будет отпугивать оленей от ворот. Также самое проделали вдоль основного загона, чтоб избежать травм. Покурив и выловив свои упряжки из общей массы оленей, пастухи пошли перекусить, попить чай. Мы остались сторожить ворота. Внезапно дружно залаяли собаки и через некоторое время на противоположном берегу реки появились две упряжки нарт. Оба каюра в белых гусях. Они привязали нарты и стали искать место перевалки. Река Хын-харвута разлилась в весеннем половодье и в районе кораля достигала ширины до десяти метров. Подошёл отец с пастухами.

Поприветствовали друг друга через реку. Гости из шестой бригады, бригадир Рочев Пётр Фёдорович и зооветеринарный фельдшер, а по привычному, зооветспециалист Вокуев Семён Андреевич.

– Перевалка ниже, – крикнул отец и пошёл к месту переправы.

В этом месте река делала небольшой поворот и образовался затор из льда.

Отец с хореем в руках подошёл к берегу и постучал острым, металлическим наконечником хорея по льду. Лёд был крепкий, сделав пару шагов, снова ударил по льду. Ледяные поля надёжно скрепились и были прочными.

С правого берега, с хореем в руках, осторожно двигался Рочев, остановился, увесистым хореем постучал по льду.

– Как у тебя? – спросил отец Рочева.

– Лёд крепкий, только вот спуск крутой, но перейти можно. Как левый берег, можно подняться на нарте? – спросил Пётр отца.

– Пётр Фёдорович! – окликнул Семён Рочева, – оставим нарты здесь, перевалим налегке.

Так и решили. Завязав надёжно нарты, Семён с Петром Рочевым благополучно переправились через реку и направились к чуму пить чай. После чая начали просчёт оленей. С помощью длинного куска брезента, откалывая от основной половинки небольшие группы оленей, голов по двадцать – тридцать, загоняли их в рабочий загон. В рабочем заго-

не в первую очередь старались выловить телят, во-избежания травмирования их крупными животными, выщипывали щипцами номер стада на ушах и выпускали. Взрослым оленям ставили профилактические прививки, и проводился общий зооветеринарный осмотр.

Семён проводил ветеринарные мероприятия. Из рабочего загона оленей выпускали по одному, пастухи выкрикивали половозрастную группу, а отец, вооружившись фанерной биркой разлинованный в соответствии со структурой стада, отмечал карандашом, по принятой методике, данные на фанерной доске. Одного из опытных пастухов, Айваседо Атко Лювовича, отец отправил присмотреть за второй половиной стада, собрать отколовших оленей и телят. Поручил посмотреть транспортное стадо, которое паслось не далеко от ос-

новных чумов. Учувя запах маточного стада транспортные олени, быки, могли влиться к основному поголовью, этого допускать было нельзя. Обсудив детали с бригадиром, Атко Лювович направился к упряжке. Неторопливо привязал к нарте мешок с продуктами, чайник, винтовку и, закинув бинокль через плечо, взял хорей. Поправил сыромятные «са»-постромки, толкнул передового, быстро, на ходу, сел на нарты и уехал.

Работали в короле допоздна, пока не прогнали через кораль всех оленей с основного загона. По окончании работ, за чаем вспоминали забавные моменты дня. После чая пастухи пошли отдыхать. Мы: Тимофей Вокуев, Роман и Ефим Айваседо вернулись с отцом к коралю. Закрыли наружные ворота рабочей камеры, а все остальные ворота открыли и сложили жерди вдоль загона. Кораль был готов принять вторую половину стада. Через сутки загнали вторую часть стада. Всё прошло хорошо, загнали с первой попытки. Для уверенности, пастухи оставили в рабочей камере подсадных оленей: трёх важенок с телятами. Передние олени, учувя важенок с телятами, рысью устремились на их зов. За ними, инстинктивно последовала остальная часть стада. Миновав створки основных ворот, олени оказались в основном, большом загоне. Почувствовав замкнутое пространство животные стали вести себя не спокойно, испуганно. Стараясь вырваться в наружу весь табун, как по команде, развернулся и помчался к выходу, сметая на пути слабых, зазевавшихся оленей и

телят. Несмотря на давку, травм и падежа среди оленей не было. Оленеводы очень боялись, что олени будут наткаться об сетку и травмироваться. Всё обошлось. Были случаи, олени повреждали об сетку молодые рога, но пастухи тут-же их срезали и пускали на еду. Жаренные молодые рога оленя, панты, это неопишное лакомство. Если позволяла погода, то мы их заготавливали впрок и угощали всю детвору в стаде. Работа в корале, присутствие оленей, доверчивый, безобидный вид телят, давало много положительных эмоций и силы. Недели, проведённые в корале, пролетели как один день.

Прогнали всё стадо через кораль, выполнили весь запланированный объём работ. Стадо воссоединили и перегнали от кораля на новые пастбища.

И вот торжественный день! – возвращаемся в чум, в чум родной, тёплый, просторный, дом детства, в чум к маме. Мы, тундровые дети, с малых лет управляем самостоятельно нартами. И на этот раз, нам запрягли спокойных оленей, но мы, стараясь обогнать упряжки родителей, хореём и голосом старательно подгоняем оленей. Наши упряжки быстро отрываются от остальных нарт, и мы мчимся к основным чумам, чтоб сообщить, что «коральнум эштис» – кораль закончился. Возвращение пастухов с коральных работ, это маленький праздник в тундре. Со всех чумов шёл приятный ароматстряпанного, женщины в нарядных одеждах. Внутри чума образцовый порядок, обновленные занавески, красочные пологи, иконы.

Все взволнованы предстоящей встрече, пастухов ждут семьи после двухнедельной разлуки. В эти тёплые июньские дни женщины заняты изготовлением смолы, смолокурением и сушкой хлеба. Возле каждого чума обязательно топился костёр, с помощью которого выгонялась смола с древесины. Пастухи ставили отдельный чум и устраивали баню. Горячий пар и тёплая вода снимали всю накопившуюся усталость, тело освобождалось от копоты, гари и пыли коральных работ. Увлечённые и поглощенные коральными работами, мы не заметили как за неделю изменилась тундра. Наступившие тёплые дни превратили тундру в цветущий край. Из однообразной серой и тусклой, она стала красивой и разноцветной. Поймы озёр и многочисленные болота-«садуку», сплошь по-

крыты пушицей дернистой и от этого они стали нарядно белыми. Холмы, обросшие кустарниками и тундровым редколесьем, покрылись блестящей зеленью. Для оленей наступает «курортная» пора. Олени с удовольствием щипают молодую, зеленую траву, листья кустарников, нежную пушицу. «Гэна юр пэра» – говорят оленеводы, когда цветёт пушица. В пушицевый период олени с удовольствием поедают как молодые побеги, так и корни растений. Стадо в это время практически пасётся на одном месте. Для пастухов это дни отдыха. После не продолжительного перерыва Семён Андреевич и Максим Вокуев направляются в транспортное стадо для проведения ветеринарных прививок. К ним присоединяются Гоша и Вэна Хэно. Недалеко от чумов построили временный загон из капроновой сетки. Быков, голов четыреста, загнали в в ёр. Загнали одним куском и к вечеру все работы были завершены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.